

УДК 821.111-312.6(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-59

S. O’Nan
WEST OF SUNSET

Copyright © 2015 by Stewart O’Nan

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Яны Матросовой*
Художественное оформление *Марии Коняевой*

О’Нэн, Стюарт.

О-59

К западу от заката / Стюарт О’Нэн ; [пер. с англ. Я. Матросовой]. – Москва : Эксмо, 2018. – 416 с.

ISBN 978-5-04-098663-7

Последние годы жизни Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, классика американской литературы, автора «Великого Гэтсби» и «Ночь нежна», окутаны таинственностью и не особо известны публике.

Однако именно тогда, переживая трагическую болезнь жены Зельды и неудачи в карьере, Фицджеральд встретил свою вторую большую любовь – голливудскую колумнистку Шейлу Грэм. Этой загадочной англичанке он посвятил свой последний и незаконченный роман «Последний магнат».

УДК 821.111-312.6(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Матросова Я.,
перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2018

ISBN 978-5-04-098663-7

Благодарности

Выражаю искреннюю благодарность Джоан Бейли Уимер за то, что она поделилась со мной воспоминаниями о работе на площадках киностудии «Метро-Голдвин-Майер» в 1930-е годы, и Холли Уотсон, которая нас познакомила.

Как и всегда, я признательна своим преданным первым читателям (и слушателям): Мэнетт Анси, Полу Коди, Ламару Херрину, Стивену Кингу, Майклу Кориту, Деннису Лиану, Трудии О'Нэн, Лори Пей, Элис Пенц, Мейсону Рэдкоффу, Сьюзан Стрейт, Луису и Синди Юрреа и Суня Цз Ву.

И, наконец, благодарю Дэвида Гернерта и Пола Словака за их веру в меня.

И в этот раз посвящается Труды

В жизни американцев не бывает
вторых актов.

Ф. С. Фицджеральд

И нет ничего недостижимого, все
только начинается.

Ф. С. Фицджеральд

Чимни-Рок

Весной 1937 года Скотт перебрался в Северную Каролину и затворником поселился в захудалом отеле поближе к лечебнице, в которой содержали Зельду. В Рождество его сразило воспаление легких, вылившееся в длительное обострение туберкулеза, и он надеялся, что горный воздух пойдет на пользу. Все дни напролет, оставаясь в халате, он писал, поддерживая в себе силы одной лишь колой, и до самого вечера не притрагивался к бутылке, чем почти гордился. А с наступлением темноты устраивался на веранде, потягивал джин и смотрел на усеянное светлячками поле для гольфа, по которому гуляли влюбленные парочки. За городом виднелась Хайлендская больница, напоминая возвышавшийся над холмами готический замок с заточенной в нем принцессой. Скотту эта лечебница была не по карману, как, впрочем, и все другие частные клиники, куда они с Зельдой обращались прежде. Но он и не скрывал своего плачевного положения — умолял правление пойти на уступки и выпрашивал аванс у своего агента, соглашаясь подписать кабальный договор в счет еще не изданных произведений. Ведь выбора у него не было.

В «Пратте»¹ его жену на долгое время бросали одну, и там она едва не задушила себя разорванной наволочкой, о чем до сих пор напоминала багровая полоса на ее шее. А однажды ночью, когда Зельда была привязана к кровати, ей явился архангел Михаил и предсказал, что мир падет, если род людской не покается. С того времени Зельда начала носить белое, пыталась заучивать Библию наизусть и целыми днями рисовала горящие в адском огне безликие проклятые души.

Новый врач, взявшийся за Зельду в Хайлендской больнице, был сторонником правильного питания и активного образа жизни. Он не позволял больным сигарет и никаких сладостей. Грузные медсестры с тренерскими привычками обязывали пациентов ежедневно проходить расстояние не менее предписанного докторами. Зельда похудела, кожа на скулах натянулась, нос заострился, как в тот кошмарный год в Париже, когда она изводила себя голодом, стремясь вернуть балетную форму. Зато теперь в ней не было того безумия и того остервенения. После лечения инсулином она сильно ослабела, стала тихой и покладистой и вместо горящих грешников рисовала цветы с крупными, плотными лепестками, тронутыми увяданием. Она говорила, что стала лучше спать, чему Скотт мог только позавидовать, почерк ее выровнялся, и по бумаге бежали аккуратные строчки, а не прыгающие косые каракули, которые приводили его в ужас.

---

¹ Частная психиатрическая клиника неподалеку от Балтимора, штат Мэриленд, где Зельда проходила лечение в 1934 г. (Здесь и далее примечания переводчика.)

«Милый мой Додо, каждый день я думаю о мягкой глади моря и о том, как все испортила. Ты злился и не пускал меня на солнце. Но, может, нежиться в тепле — не мой удел, меня так и будут всегда заворачивать в мокрые простыни и кормить по расписанию. Прости, что по моей вине ты лишился всех этих городов и великолепных бульваров, огни которых когда-то светили нам по ночам».

Общались они в основном по переписке. С лестницы городской библиотеки Скотт мог видеть больницу хоть каждый день, а вот жену — редко, что делало перемены в ней еще заметнее. Доктор Кэрролл не позволял частые встречи: он ввел строгую систему поощрений, и визиты или любая другая похвалка теперь разрешались пациентам, если те были покладисты и благоразумны. Иногда по выходным супругам разрешали провести вместе лишних несколько часов, и тогда они бродили по территории лечебницы и даже спускались в город, чтобы пообедать в кафе или тихом уголке ресторана в отеле. А после на «Родстере» Скотта возвращались обратно по усаженной рододендронами, петляющей дороге и подолгу любовались закатом с вершины холма. В остальное время Зельда вынуждена была прикладывать все усилия, чтобы выздороветь. День в больнице начинался, как в деревне, еще затемно. В девять играли в теннис, в одиннадцать рисовали. Врачи стремились подчинить ее жизнь строгому режиму. Скотт относился к этому с пониманием и заставлял себя писать, хотя его собственная жизнь давно была лишена даже подобия упорядоченности.

В сорок лет он оказался на улице из-за финансовых неурядиц, в которых винил обстоятельства.

Дочь училась в школе-пансионе, и содержать целый дом стало ни к чему. Это было очень кстати в плане экономии, но семья лишилась собственного угла, а дорогие сердцу вещи пылились на складе. Приходилось во многом себе отказывать, однако денег на образование Скотти и лечение Зельды все равно не хватало. И все же то ли из-за неуместной гордости, то ли из чистого безумия Скотт не опускал рук — не той он был породы. Каждый месяц мать Зельды умоляла отпустить дочь в Монтгомери повидаться. Увы, Зельда еще не поправилась, и было неизвестно, поправится ли вообще. Оставалось лишь уповать на доктора Кэрролла: если бы лечение дало результаты, можно было бы поехать в Голливуд, заработать достаточно денег, чтобы покрыть долги, и даже написать роман, давно обещанный Максус¹.

Скоттом заинтересовались на студии «Метро-Голдвин-Майер», предлагали тысячу долларов в неделю, но дальше разговоров дело не шло. Обер² без обиняков объяснил, что студию беспокоит его пристрастие к выпивке, но в том он был сам виноват, разоткровенничался в интервью «Эсквайру». Целый месяц Скотт клятвенно уверял, что не берет в рот ни капли, хотя нижний ящик стола был забит пустыми бутылками.

С Зельдой все превращалось в испытание. На годовщину свадьбы их на весь день отпустили в Чимни-

---

¹ Максвелл Перкинс (1884–1947) — редактор Фицджеральда и Хемингуэя, главный редактор издательства «Скрибнерс».

² Гарольд Обер (1881–1959) — литературный агент, в числе клиентов которого были также А. Кристи, У. Фолкнер, Дж. Лондон, Г. Уэллс, Дж. Сэлинджер и др.

Рок¹. Пришлось быть сразу и мужем, и дуэньей — смотреть и за ее поведением, и за питанием. Он все невольно замечал, но держал при себе, будто после столь долгого заточения жены у них еще оставалась частичка личной жизни.

Суббота выдалась тихая, кизил покрылся розовым цветением, в вестибюле больницы толпились разодетые родственники пациентов с корзинками для пикника. Доктор Кэрролл лично сопровождал Зельду на первый этаж и передал Скотту, как нежно любящий отец.

Прежде детское личико и миниатюрная фигурка сильно молодили жену — спортсменка и танцовщица, она была известной кокеткой и очаровывала неиссякаемой энергией и бесстрашием. Теперь же, на пороге тридцати семи лет, она выглядела изможденной и осунувшейся. К празднику кто-то из добрых побуждений привел в порядок ее волосы и собрал в сетку непослушные густые кудряшки медового цвета. Так обычно выглядели продавщицы или официантки, сама Зельда никогда бы не сделала себе такую прическу, чтобы не подчеркивать лишний раз заострившиеся черты лица. Ее любимый красный сарафан выцвел от частых стирок и висел на ней мешком, ключицы выпирали, а тонкий шарф почти удавкой стягивал шею. Когда при встрече Скотт наклонился к жене, чтобы ее поцеловать, она заглянула ему в глаза и, едва коснувшись губами щеки, тут же отстранилась.

— Спасибо.

---

¹ Национальный парк в США, получивший свое название благодаря скале, по форме напоминающей дымоход: *англ. Chimney Rock* букв. «скала-дымоход».

— С годовщиной!

— Спасибо, Додо. И тебя, — повторила она.

Скотт каждый раз невольно вздрагивал, когда слышал мягкий южный выговор любимой из уст незнакомой исхудавшей женщины, но чувствовал, что где-то в ней все еще жила его юная неутомная Зельда.

Доктор тоже поздравил супругов.

— Какая у вас дата? — поинтересовался он.

— Семнадцать. — Зельда неуверенно посмотрела на Скотта.

— Семнадцать лет, — кивнул он, не зная, радоваться этому или нет.

Число казалось таким же призрачным, как и сам брак. Зельда провела в клиниках добрую половину замужества. В минуты отчаяния Скотт задавался вопросом, была ли она вообще когда-нибудь здорова. Может, он и полюбил ее за безумие?

— Развлекайтесь, — напутствовал их Кэрролл.

— Спасибо.

Зельда крепко держала Скотта за руку, пока они шли через сводчатый коридор навстречу ясному дню, и отпустила лишь, когда он открыл дверцу машины и галантно помог ей сесть.

На пассажирском сиденье лежал подарок, купленный им в магазинчике отеля.

— Додо, это вовсе не обязательно.

Скотт сел и запер дверцы машины:

— Ерунда, пустячок.

— А у меня для тебя ничего нет... — Зашуршав оберткой, Зельда вынула коробку конфет. — Неужели это то, что я думаю?.. Проказник! Ты же знаешь, я обожаю арахисовый грильяж!

— Этот с пеканом.

- Как мило! Дорогой, но мне, наверное, нельзя.
- Я никому не скажу.
- Тогда присоединяйся.
- Помочь тебе избавиться от улик?
- Именно.

Они легко играли в заговорщиков, им было не привыкать. В другой жизни оба славились экстравагантными выходками, часто мелькали на обложках журналов и бульварных газет. И, кажется, от того, что его закат привлек меньше внимания, он был куда менее болезненным. Из-за этого Скотт ощущал некоторую вину, словно должен был сделать что-то невозможное для спасения жены.

Выезжая с территории клиники, он всегда чувствовал себя так, будто они с Зельдой наконец-то вырвались на свободу. Конечно, это была только иллюзия, но каждый раз он с удовольствием воображал, будто они обычная парочка на увеселительной прогулке. Даже машину он вел иначе. В Принстоне ему не раз доводилось бывать свидетелем аварий со смертельным исходом, и теперь, когда поздней ночью кто-то из его подвыпивших друзей гнал машину по темным дорогам Лонг-Айленда или французской Ривьеры, ему было страшно. Поэтому, пьяный или трезвый, обычно он старался вести машину очень аккуратно и медленно, так что иногда из-за этого и сам представлял угрозу для других водителей. Вот и сейчас вместо того, чтобы затеряться в общем потоке, Скотт навлек гнев всех, кто вынужден был за ними плестись.

Обогнав их, какой-то водитель грубо гаркнул, обернувшись:

- Дома сиди, придурок!
- Скотт даже бровью не повел.